

служили рыбые продукты, сочинения касаются рыбного дела и предметы, относящиеся къ рыбопромышленности.

Н. К.

Мои, Книг, № 25,
25 Feb. 1902
ГОГОЛЬ
ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ.

Къ пятидесятилѣтію его смерти.)

Смирненіе составляетъ первую красоту души. Старайтесь лучше видѣть во мнѣ христіанина и человѣка, чѣмъ литератора.

Гоголь.

I.

„Я знаю, что много еще протечетъ времени, пока узнаютъ меня совершенно“, писалъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ С. Т. Аксакову, и слова эти оказались пророческими: 21 февраля исполняется пятидесятилѣтіе со дня смерти великаго писателя, но и накануне этой скорбной годовщины русское общество такъ же мало понимаетъ и цѣнитъ его, какъ мало понимали и цѣнили его современники, пожалуй даже еще меньше, потому что за эти пять десятилѣтій многія нелѣпыя сужденія о Гоголѣ успѣли плотно себѣ въ нашемъ обществѣ, сдѣлавшись ходячими мнѣніями, отъ которыхъ съ такимъ трудомъ отрывается современный русскій интеллигентъ.

„Кто хочетъ понять поэта, тотъ долженъ войти въ его область“, сказалъ Гѣте, справедливо считая знакомство съ міросозерцаніемъ поэта однимъ изъ необходимѣйшихъ условій его пониманія, Гоголь въ нашей литературѣ болѣе чѣмъ кто-либо другой представляетъ именно такую поэтическую величину, понять истинную цѣнность и значеніе которой совершенно невозможно безъ проникновенія въ духовную „область“ поэта, и если онъ до сихъ поръ у насъ не понятъ, то единственно потому, что о немъ судили и судятъ только по его произведеніямъ, отмѣчающимъ преимущественно отрицательныя стороны жизни, совершенно игнорируя міросозерцаніе писателя.

Самъ Бѣлинскій, сужденія котораго въ огромномъ большинствѣ случаевъ стали своего рода аксіомами въ русской критикѣ, по чрезвычай-

но характерному и справедливому опредѣленію Достоевскаго, подмѣтилъ въ Гоголѣ только то, что „онъ кого-то обличилъ“. Послѣдующіе критики и комментаторы Гоголя ушли недалеко отъ своего учителя: приурочивъ великаго писателя къ либерализму и объявивъ его безапелляционно и разъ навсегда „холоднымъ обличителемъ“ неприглядной русской дѣйствительности и даже „поэтомъ пошлости“, эти господа, уже по самому складу своего ума, извращеннаго либеральными тенденціями Запада, не способные судить объ искусствѣ выше сапога, совершенно не пожелаю считатьъ съ міросозерцаніемъ Гоголя и въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ оно выразилось съ наибольшею силой—*Авторской исповѣди* и *Перепискѣ съ друзьями*—увидѣли не только актъ какого-то сумасброднаго отреченія Гоголя отъ своихъ художественныхъ созданий, но даже результатъ психическаго расстройтва, которымъ будто бы страдалъ Гоголь въ послѣдніе годы жизни.

Полная неспособность нашего общественаго сознания, въ которомъ либеральныя „идеи“ также успѣли произвести невообразимую путаницу понятій, къ самостоятельному критическому анализу, была причиной того, что все эти нелѣпости о Гоголѣ, высказанныя съ аллобомъ невѣжества, не только оказались живучими, но и приобрѣли совершенно несоответствующій имъ характеръ авторитета.

Мы увѣрили себя, что знаемъ Гоголя, понимаемъ его художественныя созданія и ихъ значеніе въ родной литературѣ. Но вотъ раздался протестующій, возмущенный голосъ, до нѣкоторой степени поколебавшій въ насъ эту блаженную увѣренность. Голосъ этотъ принадлежалъ незабвенному Ю. Н. Говорухѣ-Отроку (Ю. Николаевъ), который первый изъ русскихъ критиковъ понялъ, что судить о творчествѣ Гоголя можно только въ связи съ его міросозерцаніемъ и что разгадку его нужно искать въ *высокомъ христіанскомъ смиреніи, проникающемъ всю его созданія*, по съ особенной силой сказавшемся въ тѣхъ именно произведеніяхъ, которые посѣпила забравать наша близорукая критика.

Опираясь на *Авторскую исповѣдь* и *Переписку съ друзьями*, Ю. Н. Говоруха-Отрокъ въ цѣломъ рядѣ горячо и талантливо написанныхъ критическихъ статей возсоздалъ доселѣ невѣдомый русской публикѣ образъ Гоголя „великаго подвижника за землю свою и за народъ свой“.

ча Щербатова, въ учрежденіяхъ названнаго Попечительства были отслужены панихиды по скончавшемся, а въ тѣхъ учрежденіяхъ, гдѣ есть домовныя церкви,—заупокойныя литургіи.

Разгадка отношенія Гоголя къ дѣйствительности, отразившагося юморомъ, не имѣвшимъ и не имѣющимъ себя подобнаго, по толкованію напѣтого критика, заключается въ томъ, что Гоголь посмотрѣлъ на міръ съ христіанской точки зрѣнія, что онъ отнесся къ отрицательнымъ явленіямъ жизни, какъ христіанинъ, вслѣдствіе чего они предстали передъ нами въ совершенно особомъ и истинномъ свѣтѣ. Замѣтили же въ немъ только одну черту—что онъ умѣетъ какъ никто выставить пошлость пошлаго человѣка, но не замѣтили, какъ онъ относится къ этой пошлости. Не замѣтили, что онъ любилъ свою родину и свой народъ, любилъ любовью зрячею, видящую все явныя любимаго существа и любящую поэтому еще больше, потому что къ любви тутъ приливается безконечная жалость.

„Гоголь—писалъ между прочимъ, Ю. Н. Говоруха-Отрокъ—понималъ, что, касаясь отрицательныхъ сторонъ жизни, художникъ самъ долженъ быть чистъ и святъ, долженъ обладать тѣмъ высокимъ смиреніемъ, которое достигается лишь подвигомъ всей жизни. Гоголь понималъ, что только съ чувствомъ сознания своей грѣховности, сознания своей виновности во всемъ злѣ міра и жизни, можетъ художникъ приступить къ изображенію отрицательныхъ сторонъ жизни, ибо только тогда онъ можетъ полюбить мелкаго и пошлаго на взглядъ человѣка, признать въ немъ человѣка, равнаго себѣ и своего брата, ибо только тогда онъ можетъ судить его не какъ гордый и самодовольный человѣкъ, своимъ судомъ, судомъ своей гордыни, только тогда будетъ судить его не во имя отвлеченной доктрины, не во имя своего мнимаго превосходства, а тѣмъ судомъ, какимъ кающійся христіанинъ судитъ самого себя“.

„Любовь и смиреніе освѣтили перомъ Гоголемъ душу человѣческую, и только благодаря такому отношенію къ дѣйствительности Гоголь—великій художникъ“.

Гоголь далъ намъ великій урокъ—урокъ смиренія. Онъ всю жизнь стремился развить слабые зачатки добродѣтели: вся его жизнь, по опредѣленію Ю. Н. Говорухи-Отрока, была великимъ покаяннымъ подвигомъ.

„Онъ вынашивалъ въ душѣ своей наши грѣхи, наши болѣзни, наши язвы, въ себѣ самомъ распялъ ихъ и пригвоздилъ во имя великой и не-

особенно подробно остановился на порученіи представить напечатанію докладъ о реформѣ средней школы.

Для разработки вопроса при собраніи депутатовъ и предводителей

земьной Правды Божіей и палъ подъ бременемъ своей колоссальной задачи: призвать народъ свой къ покаянію всенародному, палъ разбитый, сломленный, но не побѣжденный. Его жизнь была покаяннымъ подвигомъ, а нѣтъ въ мірѣ высшей красоты, какъ красота покаянія“.

Такую совершенно новую и въ высшей степени правильную характеристику Гоголя далъ на столбахъ *Московскихъ Видомостей* болѣе десяти лѣтъ тому назадъ незабвенный критикъ исключительно на основаніи давно всѣмъ извѣстныхъ его созданий, не прибѣгая ни къ какимъ „материаламъ“, которыхъ, къ слову сказать, въ то время было сравнительно немного и которые, по справедливому мнѣнію Ю. Н. Говорухи-Отрока, могутъ послужить только „для отчетливаго, очевиднаго доказательства правильности“ именно такого, а не другаго пониманія великаго писателя.

II.

Теперь, накануне пятидесятилѣтней годовщины со дня смерти Гоголя, когда обнародовано почти все, что можетъ пролить свѣтъ на загадочную фигуру этого колосса родной поэзіи и способствовать ясненію истиннаго характера его творчества, особенно своевременно и умѣтно приступить къ такому доказательству, тѣмъ болѣе, что всевозможныя нелѣпости о Гоголѣ не перестаютъ циркулировать въ нашей либеральной печати, никимъ образомъ не желающей уступить очевидности и здравому смыслу.

Лучшимъ „материаломъ“ для „отчетливаго, очевиднаго доказательства“ того, что изъ всѣхъ русскихъ критиковъ одинъ только Говоруха-Отрокъ взглянулъ на Гоголя и его творчество съ настоящей точки зрѣнія, являются *Письма* великаго писателя, и не только тѣ, которыя онъ обнародовалъ еще при своей жизни подъ названіемъ *Избранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями*, а вообще все дошедшія до насъ его письма.

Эти *Письма*, недавно какъ нельзя болѣе кетати изданныя извѣстною издательскою фирмой А. Ф. Маркса подъ редакціей В. И. Шенрока, * шагъ за шагомъ вводятъ насъ въ ду-

* *Письма Н. В. Гоголя*. Редакція В. И. Шенрока, въ четырехъ томахъ. Сб. Изданія А. Ф. Маркса, in 8°. Т. I, XI+28 стр. Т. II, 587 стр. Т. III, 499 стр. Т. IV, 539 стр. Варианты и Алфавитный указатель. Цѣна 6 руб.

ковскому дворянству. Она предостережена возможность высказать свои соображенія относительно программы и устава, которыя ибгють быть установлены законодательнымъ порядкомъ для средней школы, ранѣ примѣненія

хальный міръ великаго писателя и съ необыкновенною яркостью рисуютъ передъ нами картину постепеннаго развитія его душевныхъ силъ въ связи съ постоянною, сложною, до боли мучительною работою надъ самоусовершенствованіемъ.

Читаешь эти письма, и передъ умственнымъ взоромъ встаетъ не „холодный обличитель“ и „не поэтъ пошлости“, „оплевавшій свою родину и народъ свой“, а страстный проповѣдникъ высшей Христовой Правды, вдохновенный пророкъ, сознающій свою громадность и отвѣтственность взятаго имъ на себя подвига,—великое явленіе русскаго народнаго духа.

Самъ Гоголь придавалъ громадное значеніе своимъ письмамъ, и мысль издать отдѣльною книгой нѣкоторыя изъ нихъ явилась у него не вдругъ, не по внезапному наитію, а была результатомъ постепеннаго сложившагося убѣжденія въ необходимости такой книги, какъ орудія противъ чересчуръ уже усердныхъ его комментаторовъ, восхищавшихся имъ только какъ обличителемъ. Изданіемъ этой книги онъ именно хотѣлъ помочь своимъ читателямъ войти въ свою „область“, но и тутъ его не захотѣли понять и за эту попытку предали самой отвратительной пошлости.

Но обратимся къ *Письмамъ* Гоголя, этой обширной лѣтописи его жизни, и попытаемся исключительно на основаніи этихъ, такъ-сказать, документальныхъ данныхъ возсоздать передъ читателемъ объятельный духовный обликъ великаго писателя.

Его первую и главнѣйшую чертой было *постылиство*, вопреки мнѣнію, раздѣлявшемуся даже нѣкоторыми изъ его друзей, что въ его характерѣ и воззрѣніяхъ не разъ пропеходили крутыя перемѣны. Особенно волновали Гоголя обвиненія въ склонности къ мистицизму.

Въ письмѣ къ С. Т. Аксакову въ 1844 году онъ, между прочимъ, пишетъ:

„Моя природа совсѣмъ не мистическая. Недоразумѣнія произошли оттого, что я слишкомъ рано вздумалъ было говорить о томъ, что слишкомъ рано было мнѣ и чего я не въ силахъ былъ выразить глупыми и темными рѣчами, въ чемъ сильно раскаиваюсь, даже и за печатныя мѣста. Но внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положеніяхъ. Съ 12-лѣтнимъ, можетъ-быть, возрастомъ я иду той же дорогой, какъ и нынѣ, не

„требования полиціи, предьявляемыя для предотвращенія всякихъ, по какому бы ни было поводу, остановокъ и сборищъ народа на улицахъ, площадяхъ и другихъ, указанныхъ въ п. 1 общественныхъ мѣстахъ, подде-

шатаюсь, не колебался никогда во мнѣніяхъ главныхъ, не переходя изъ одного положенія въ другое.“ *

Въ другомъ письмѣ къ тому же С. Т. Аксакову, еще болѣе горячемъ и страстномъ, Гоголь такъ излагаетъ исторію своего „мистицизма“.

„Вы въ заблужденіи, подозрѣвая во мнѣ какое-то новое направленіе. Отъ ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой я иду. ** Я былъ только скрытенъ, потому что былъ не глупъ, вотъ и все. Причиной нынѣшнихъ выводовъ и заключеній обо мнѣ (сдѣланныхъ какъ вами, такъ и другими), было то, что я, понадѣявшись на свои силы и на (будто бы) совершившуюся зрѣлость свою, отважился говорить о томъ, о чемъ бы слѣдовало до времени еще немножко помолчать, покуда слова мои не придутъ въ такую ясность, что и ребенку стали бы понятны. Тутъ вамъ вся исторія моего мистицизма. Мнѣ слѣдовало еще нѣсколько времени поработать въ тишинѣ, еще *исечь то, что слѣдуетъ жечь*, никому не говорить ни слова о внутреннемъ себѣ и не откликаться ни на что, особенно не давать никакого отвѣта моимъ друзьямъ на счетъ сочиненій моихъ. Отчасти неблагоприятныя подталкиванія со стороны ихъ, отчасти невозможность видѣть самому, на какой степени собственнаго своего воспитанія нахожусь, были причиной появленія статей, такъ возмущившихъ духъ вашъ“.

Итакъ, *постылиство*—вотъ главная черта характера Гоголя. Онъ внутренно „никогда не измѣнялся“, никогда „не колебался во мнѣніяхъ“, „не переходилъ изъ одного положенія въ другое“. „Отъ ранней юности“ онъ шель одною и тою же дорогой, если же его не понимали, то только потому, что онъ заговорилъ слишкомъ рано „понадѣявшись на свою (будто бы) совершившуюся зрѣлость“. На самомъ же дѣлѣ, по глубокому убѣжденію Гоголя, зрѣлости этой еще не было, степень внутреннего его воспитанія была еще слишкомъ не высока. Гоголь не могъ раздѣлять въ себѣ сына Православной Церкви, какимъ онъ былъ въ мысли и чувствѣ отъ художника. По своему міросозерцанію онъ могъ быть только христіаниномъ—художникомъ и поэтому всегда думалъ, что его произведенія

все еще недостаточно проникнуты смиреніемъ и любовью къ грѣшному человѣчеству. Онъ думалъ, что лишь практическимъ приживленіемъ въ личной своей жизни христіанскихъ началъ можетъ онъ воспитать въ себѣ великаго художника-христіанина, и всю жизнь трудился надъ этимъ самовоспитаніемъ.

* Курсивъ нашъ.
** Курсивъ нашъ.

отвезены въ Юзскую больницу. — Того же числа, днемъ, вспыхнулъ пожаръ на углу Башиловки и Бугырскаго проѣзда. Сгорѣлъ до основанія фаягель во владѣніи Исаенкова, занятый плотниками. Убытка понесено на 2.000 р.

„Я перешелъ годы юности и многія желанія, мнѣнвалъ утѣшенія славолубивыя, удалился давно отъ свѣта,—писалъ онъ въ 1842 году С. Т. Аксакову,—для того, чтобы воспитываться въ глубинѣ души своей для другихъ, и воспитанію моему еще далеко до конца“.

Въ слѣдующемъ году онъ пишетъ Н. Н. Шереметевой:

„Мнѣ нужно быть слишкомъ чисто душой. Долгое воспитаніе предостигъ мнѣ, великая, трудная лѣтница“.

III.

Постепенно поднимаюсь все выше и выше по этой „великой лѣтницѣ“, Гоголь не могъ не замѣчать многихъ недостатковъ своихъ сочиненій, особенно перваго періода его творчества.

„Сколько я натворилъ глупостей въ моихъ сочиненіяхъ, именно стремясь къ той полнотѣ, которой во мнѣ еще не было, хотя мнѣ и казалось, что я очень уже созрѣлъ,—писалъ онъ Аксакову въ 1844 году.—И надъ многими мѣстами въ моихъ сочиненіяхъ которыя даже были похвалены одними, другіе очень справедливо посмѣялись“.

Въ томъ же году онъ писалъ А. О. Смирновой:

„На сочиненіяхъ моихъ не основывайтесь и не выводите отсюда никакихъ заключеній о мнѣ самомъ. Они все написаны давно, во времена глупой молодости, пользуются пока незаслуженными похвалами и даже не совсѣмъ заслуженными порицаніями, и въ нихъ виденъ, пока мѣсть, писатель, еще не утвердившійся ни на чемъ твердомъ. Въ нихъ, точно, есть кое-гдѣ хвостикъ душевнаго состоянія моего тогдашняго, но безъ моего собственнаго признанія ихъ никто не замѣтитъ и не увидитъ“.

Первымъ условіемъ для духовнаго самовоспитанія Гоголь считаетъ наличие твердаго характера.

„Для чего человѣку характеръ?“ спрашиваетъ онъ сестру Анну Ва-